

КНИГИ ЮЛИИ ЕФИМОВОЙ
УЖЕ ОЦЕНИЛИ БОЛЕЕ
30 ТЫСЯЧ ЧИТАТЕЛЕЙ!

РОБКИЙ АНГЕЛ ВОЗМЕЗДИЯ

ЮЛИЯ ЕФИМОВА

ЛИРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Юлия Ефимова
Робкий ангел возмездия
Серия «Лирический детектив»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42396906
Робкий ангел возмездия: SelfPub; М.; 2022
ISBN 978-5-17-145354-1

Аннотация

Маня Денисова жила с мыслью, что ангел-хранитель про нее забыл. Во всех сферах жизни у девушки был полный ноль или даже минус. Перед Новым годом ее уволили с работы, а своенравная тетушка потребовала срочно собраться всем родственникам в загородном доме. В отчаянии Маня приехала в «родовое гнездо» пораньше, но безобидное решение повлекло за собой череду жутких и запутанных событий. Кто друг? Кто враг? Мане придется провести собственное расследование и узнать, кто из милых соседей убийца.

Но именно после страшной бури выходит самое яркое солнце, и зря Маня думала, что ангел про нее забыл, он просто робко стоял в очереди за ее счастьем.

Содержание

За десять дней до Нового года	7
За девять дней до Нового года	21
За восемь дней до Нового года	34
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Юлия Сергеевна Ефимова

Робкий ангел возмездия

*Все, что здесь описано,
привиделось автору во сне
и правдой никак быть не может.
Редкие же совпадения случаются
в жизни нечасто, но бывают.
Позволим их автору и простим.*

© Ю. Ефимова, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Аугсбург. 21 декабря 1675 г.

Первый раз за всю зиму в доме было холодно, погода решила доказать жителям Аугсбурга, что зима должна быть снежной, и покрыла дороги тонким белым покрывалом. Габриэль куталась в меховой жилет, но настроение от холода не портилось. Сегодня ей исполнялось восемь лет, по этому случаю отец готовил большой праздник, а это всегда очень весело и вкусно. Андреас Майер очень любил свою единственную дочь и готов был для нее даже луну с неба достать, если вдруг дочка велит. Вот внизу стукнула дверь — это вернулся с работы отец. В надежде на подарки

и поздравления юная Габриэль выскочила из своей комнаты и помчалась ему навстречу. Отец сидел за столом с несвойственным ему каменным лицом.

– Что-то случилось? – спросила именинница в страхе услышать ответ.

– Сядь, – как-то виновато сказал Андреас. – Габриэль, ты уже взрослая, ты должна меня понять, я хочу для тебя лишь блага. Мы всего лишь фрайхлерры, да, мы зажиточны, даже богаты, но лишь «вольные господа», ты же у меня достойна большего. Ты знаешь, сегодня тебе исполняется восемь, а это значит, что ты уже можешь обручиться с выбранным женихом. Мне хочется дать тебе все, только титул я тебе дать не могу. Сегодня ты обручишься с графом Питером фон Кафенбургом, и через шесть лет, когда тебе исполнится четырнадцать, вы обвенчаетесь и ты станешь графиней.

– А подарки сегодня будут? – наивно спросила Габриэль, искренне не понимая, почему отец так расстроен.

– Конечно, так ты согласна? – видно было, что у Андреаса Майера отлегло от сердца, он очень сильно любил свое чадо, и, возмутись она сейчас, он не смог бы ей перечить. Андреас понимал, что граф – старый сорокапятилетний вдовец, но этот брак был очень необходим обеим семьям. Габриэль приобретала титул, а поистратившийся граф – хорошее приданое. Но не это было главной причиной для графа Питера фон Кафенбурга, он хотел избираться в ратманы, а недавно был принят закон о том, что холостой и даже вдовец не

имеет права быть членом магистрата.

– Конечно, папа. – Для маленькой Габриэль шесть лет – это была целая жизнь, а портить день рождения совсем не хотелось.

– Ты моя умница, – отец погладил дочь по красивым русым локонам и достал из кармана шкатулку. – Тогда ты должна сегодня сделать подарок своему жениху, такова традиция. Смотри, это новинка, называется «запонки», крепятся они вместо завязок на рукава рубашки, только богатые и знатные мужчины могут себе это позволить. Я отдал за них сегодня сто пятьдесят гульденов. Остальные вопросы мы обговорим с графом без тебя.

Габриэль увидела в шкатулке два мудреных украшения, они были абсолютно одинаковы, с одной их стороны была золотая пластина без всяких излишеств, а вот с другой она была сделана как распустившийся цветок, в середине которого находилась большая черная жемчужина в окружении россыпи бриллиантов. Две такие неодинаковые половины соединяла небольшая золотая цепочка.

– Хорошо, папочка, – ответила Габриэль и нетерпеливо добавила: – А мне подарки будут?

Шкатулка с подарком для жениха утонула в кармане ее платья, более не удостоившись внимания именинницы.

За десять дней до Нового года

У Марии Ивановны Денисовой, почетного офисного работника, кончились силы. Она всегда считала себя сильной, и когда кто-то смел ее жалеть, Маня, смеясь в лицо, говорила:

– Глупости, я самая счастливая, и у меня все хорошо. – Ну, во-первых, так рекомендовала делать ее любимая писательница Наталья Правдина, защитница и помощница всех несчастных женщин, а во-вторых, она не любила, когда ее жалеют, это категорически не сочеталось с ее воспитанием в духе леди.

С самого детства ее воспитывали с мыслью, что леди не имеет морального права показывать, что у нее какие-либо неприятности, для окружающих у леди всегда все хорошо. Улыбаться при любых обстоятельствах, а если слезы все-таки предательски потекли из глаз, есть два объяснения: смех или соринка. Леди всегда сохраняет собственное достоинство и уважение к окружающим.

Но только что случилось страшное, только что начальство вызвало Марию Ивановну и сообщило ей новость, от которой она не смогла сдержаться и расплакалась прямо в кабинете начальства, – ее увольняют. Не дают даже отработать, как положено, две недели, а если она будет сопротивляться, грозили уволить по статье. Был бы человек, как говорится,

а статья найдется.

И вот сейчас, за десять дней до Нового года, она вспомнила все беды, что нанесла ей жизнь, все свои несчастья. Ей сорок лет, она не замужем и никогда скорее всего уже не будет, у нее нет детей, и это самое большое ее личное горе. Еще она до сих пор живет с родителями, ну, это, скорее, из-за того, что Маня до жути боится спать одна в квартире, но все-таки факт. Апогеем же ее невезучести стало увольнение с работы просто потому, что кризис, просто потому, что ее не жалко, а то, что она отдала этой фирме свои лучшие девятнадцать лет жизни, никого уже не волновало.

– Маш, не плачь, – к столу, за которым Мария обливалась слезами свое невезение, подошла ее коллега Лариса. Они последние два года делили один кабинет и, как казалось самой Марии, даже немного дружили. Лариса, худая, с заостренными чертами лица, узкими губами, маленькими глазами и длинным острым носом, выглядела несколько отталкивающе. Она была моложе Мани на пять лет, но в свои тридцать пять имела двоих детей, мужа и совершенно не имела принципов.

– Ну, представь, если бы уволили меня? – продолжала утешать Лариса. – У меня двое детей, и муж – козел, который работает за десять тысяч и шевелиться больше не хочет, и свекровь больная, которую я, как факел, тащу индивидуально. А ты одна, никто на шее не сидит, живешь с родителями, тебе легче, найдешь работу даже лучше, чем этот клоповник.

Утешение, конечно, было так себе. «То ли Лариса-крыса не умеет утешать, то ли намеренно колет меня по больному», – подумала про себя Маша. Склоняясь к последнему, она решила, что хватит радовать коллег своим горем, пора успокаиваться, необходимо срочно вспомнить, что она леди. Маня встала, достала большой пакет для мусора и начала скидывать туда свои вещи, за девятнадцать лет работы в одном кабинете их накопилось очень много.

– Да, одним пакетом не обойтись, – это Маша сказала больше себе, чем Лариске, которая моментально потеряла к ней интерес, будто и не собирались они еще полчаса назад вместе идти обедать, и достала второй. Врагам оставлять ничего не хотелось, поэтому в пакет летело все – стикеры, дыроколы, даже лейки для цветов, все это она покупала сама и поэтому имела стопроцентное право.

Мария Ивановна, а для близких Маня, для родителей же Манюня, была средняя. Ну, вся такая никакая. Если вы спросите у ее коллег и знакомых, как выглядит Мария Денисова, они скажут: «Ну... – Потом будет минутная пауза и окончательный вывод: – Никак». Среднего роста, среднего телосложения, русые волосы подстрижены в стиле каре, даже глаза подвели – они были никакие, то ли карие, но очень светлые, то ли зеленые, но темные, в общем, болото болотом. Так было всегда, даже начальство, которое менялось два раза в год, очень долго не могло запомнить среднестатистического работника с таким банальным сочетанием имени и отчества.

Кое-как натянув на себя дубленку, которая в этом году как-то уж очень туго надевалась на хозяйку, Маня, чтобы не расплакаться, думала только об этом. «Села, наверное, вот ведь предательница, лучше бы шапка поступила так», – размышляла она, протаскивая мешки к лестнице. Шапка в отличие от дубленки, наоборот, растянулась и постоянно сползала на глаза, жутко раздражая этим и без того расстроенную хозяйку.

– Держитесь, ребята, нам только до машины добраться – и мы дома, – Маша разговаривала с мешками, это ее немного пугало. «Но, возможно, это выход, – думала она, – сойду спокойненько с ума – и мир сразу станет прекрасен». Неопытная, еще и безработная, она пыталась находить во всем позитив, вспоминая всю информацию, какую имела на этот счет. Руки были заняты неудобными пакетами, дамская сумочка, которая выглядела как маленький баул, сползла с плеча и повисла на локте, отчего пакеты пришлось поднять. Унести вещи частями – такой вариант Маня отмела сразу, ей не хотелось радовать коллег своим зареванным лицом, плюс ко всему еще вчерашняя приятельница Лариска уже уверенно располагалась за ее столом, а ведь это стол начальника отдела. Естественно, ее это покорило, но Маня даже не хотела об этом думать, поэтому просто заблокировала информацию до лучших времен, когда она без слез сможет рассуждать на эту тему.

Именно поэтому было принято осознанное решение уйти

сразу со всеми вещами – как говорится, уходя – уходи. Каждая ступенька давалась с трудом, но один пролет лестницы был пройден, а значит, это успех. Рано обрадовавшись, Маня занесла ногу на следующую ступеньку и полетела вниз, шапка-предательница в самый неудобный момент закрыла глаза, и унижения данного дня продолжились.

«Будь что будет», – подумала Маня и смирилась на мгновение с происходящим. Пока летела по лестнице, было больно и обидно, она разными частями тела ударялась то о ступени, то о перила, но приземление, как ни странно, было мягким и комфортным. Манюне было страшно даже посмотреть, что за матрац смягчил ее удар. Когда же спаситель заговорил, все встало на свои места, она узнала голос главбуха, очень полного и пожилого человека.

– Мария Ивановна, я имею вам что сказать: не нужно так нервничать и убиваться за то, что вас таки уволили, за это вам точно не заплатят.

– Роберт Моисеевич, я случайно, простите меня, – начала оправдываться перед главным бухгалтером Марья.

– Я послушаю все ваши за, если вы освободите мое тело от ваших прелестей, – перебил ее главбух.

Марья стянула шапку-предательницу с головы и кое-как приняла вертикальное положение. Бедный Роберт Моисеевич Кац лежал на полу и никак не мог подняться – мешали пузо и возраст, его папки тоже были разбросаны по полу. Манюне стало стыдно, очень стыдно, как она еще не убила

этого бедного мужчину?

Еле сдерживая слезы, она подала руку, помогая встать главбуху. Охая и постанывая, он указывал ей на папки, которые при неожиданном нападении Мани Роберт Моисеевич не смог удержать в руках. Свою ношу она тоже не удержала, и, когда осмотрела холл первого этажа, куда так неосторожно приземлилась в обнимку с бухгалтером, ее охватил ужас. Вокруг валялось все содержимое ее прощальных пакетов. И сейчас, в разбросанном состоянии, все, что было нажито непосильным девятнадцатилетним трудом, производило впечатление мусора.

– Поднимите мне мои труды и даже не просите старого еврея вам помогать, ни мое достоинство, ни вес не позволят мне наклониться. – Роберт Моисеевич был человек тучный и не любил, да что там, просто презирал физические упражнения.

– Что вы, я сама, вы меня извините, как говорилось в одной старой рекламе, это был не день Бекхэма. Так вот, сегодня однозначно не мой день. Я только вчера вышла из отпуска, а сегодня меня уволили. – Маня, сначала собрав бумаги господина Каца, теперь не глядя сбрасывала все в свои пакеты, комом и не разбирая, все усилия бросив на то, чтобы не расплакаться. В пластиковых лейках, судя по всему, оставалось немного воды, когда Маня бросала их в пакет, теперь от этого блокноты и другая бумага стали мокрыми.

«А может, это от моих слез», – немного поэтически поду-

мала Маня. Раньше, в детстве и в бурной молодости, Манюня писала стихи, много стихов – они были лирические, наивные и ранили душу. Подруги просили почитать их на посиделках, а потом, вздыхая и вытирая слезы, хвалили ее творчество. Постепенно подруги исчезали из ее жизни, выходя замуж и обзаводясь детьми, а стихи становились все хуже и злее. Год назад последняя подруга, услышав от нее, что не осталось свободных нормальных мужиков, попыталась ее вразумить: «Правда? Все хорошие и неженатые мужчины были выслежены и убиты? А мой Ваня, которого я встретила всего полгода назад, – это единственный выживший в геноциде хороших парней? Ты придумала себе оправдание и живешь, упиваясь этой трусливой мыслью». Тогда Маня на нее обиделась, а вместе с последней подругой исчезло желание писать стихи. Зачем нужны стихи, когда некому их читать? Блокнот был заброшен, и даже мысль о стихах приносила душевную боль.

– Если позволите, Кац может дать вам совет, бесплатно, денег не надо, – увидев слезы на ее лице и, видимо, пожалев Маню, сказал Роберт Моисеевич. – Мы, евреи, говорим так: если проблему можно решить за деньги, это не проблема – это расходы. Вы сейчас думаете, что все закончилось, ни о боже мой, на самом деле вы только проснулись, поверьте еврею, прожившему жизнь и поменявшему за это время все и много раз.

Маня даже не смогла сказать спасибо Роберту Моисееви-

чу за теплые слова, ком встал в горле и не давал произнести ни одного звука.

– Так, Мария Ивановна, вы что, решили отомстить фирме за ваше увольнение и разгромить офис? – голос главного прозвучал, как всегда, высокомерно и не вовремя. – Напомните мне, кем вы работали в «Глобусе»?

– Я девятнадцать лет, – сдерживая слезы и продолжая собирать свои пожитки, ответила Маня, – проработала в отделе внешнеэкономической деятельности, причем пять из них в должности начальника отдела. Начала свою карьеру сразу после института, и за время моей деятельности отделом было растаможено множество товаров, не было никаких грубых ошибок и нареканий, ничего, что принесло бы убыток фирме.

Последнее предложение она проговорила с гордостью и достоинством побежденного рыцаря. Но молодой начальник не оценил пафоса ее речи, он пришел на фирму всего месяц назад и считал все, что было до него, категорически неправильным, кадры же необходимо привлекать новые, молодые, энергичные. В общем, как всегда, у нас, русских: «...Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем мы наш, мы новый мир построим...»

– Ну вот, работали экономистом-международником, а уходите как уборщица. Где ваше чувство собственного достоинства? Кстати, Роберт Моисеевич, вы подготовили расчет для нашей чудо-работницы? – обратился он к бухгалте-

ру.

– Новый год, все в напряжении, я работаю, но у меня не десять рук, дайте Роберту Моисеевичу еще хотя бы две – и он сделает все и еще немного. Я страшно занят, я скажу, когда можно радоваться и получать.

Маня не стала дослушивать этот разговор, собрав свою поклажу, она вышла на улицу. Но, видно, судьба сегодня решила испытать Марию Ивановну Денисову на прочность по полной программе. Выйдя из офиса и волоча по земле огромные черные пакеты, Маша вытирала шапкой тихо текущие слезы, но, когда она увидела возле своей машины Славика, слезы высохли мгновенно.

– О боже, – прошептала она и оглянулась по сторонам, ища пути отступления, но бежать было некуда – необходимо пробиваться к родному «жуку». Машину Маша купила год назад на собственнo заработанные и бережно скопленные деньги, от этого она была еще более дорога и обожаема.

– Мария, здравствуй. – Славик замерз, нос был красный, а очки покрылись инеем. – Как здорово, что ты вышла раньше времени, а я уже настроился ждать до обеденного перерыва. Знаешь, я понял, почему у нас ничего не получилось. Вчера я решил не трогать наши дни рождения, взяв за аксиому, что это утопия, но ведь есть еще время рождения, этим немного, но можно подкорректировать анализ. Ты знаешь, во сколько ты родилась? Если нет, то не проблема, скажи роддом, и я подниму архив, на самом деле все не так сложно.

Маша понимала, что ни остановить, ни переубедить своего бывшего ухажера нет никакой возможности. Поэтому она молча, пока он нес какую-то чушь, поставила мешки в багажник, села за руль, очень быстро заблокировала двери машины. Когда Славик, продолжая говорить без остановки, попытался открыть пассажирскую дверь, Маше стало его даже жаль, и она, чуть-чуть опустив стекло, сказала:

– Славик, у меня сегодня тяжелый день, меня уволили, я не хочу никого видеть, прощай.

– Но, Манюня, не убегай от проблем, нам надо спасать наши отношения. Возможно, мы в шаге от победы.

Но Маня сегодня была не в настроении быть корректной со Славиком и поэтому выпалила:

– Значит, так, никаких отношений у нас не было и быть не могло. Мы с тобой просто одноклассники, которые по стечению разных обстоятельств до сорока лет остались холостяками. Приняла я твое предложение сходить на лекцию по астрологии и нумерологии просто от скуки и еще немного от безысходности.

– А как же наш шикарный поход в ресторан? – парировал Славик.

– Мы ходили в «Му-му», это столовая, просто поели борща, прошу заметить, за мой счет, – возмутилась Маня.

– А вот это с твоей стороны жестоко, ты же знаешь, я свои деньги все отдаю маме, она копит мне на мощный компьютер, могла бы проявить тактичность.

– Славик, иди к маме, – в сердцах ответила ему Маша, – и учти: я с тобой сейчас очень тактична.

Надавив на газ, она рванула вперед, подальше от этого маменькиного сынка. Славика она знала с детства, выросли они в одном дворе, ходили в один класс, и было такое ощущение, что Славик – это постоянная составляющая ее жизни. Сколько Маша себя помнила, они всегда дружили – в садике копались в одной песочнице, в школе Славик делал за нее домашнюю работу. Он непременно ее куда-то звал, но Маша неизменно отказывалась. Месяц назад у нее случился нервный срыв, ей исполнилось сорок лет, и, на эмоциях подумав, а вдруг Славик и есть ее судьба, Маша согласилась сходить с ним на лекцию. Позже пожалев о своей минутной слабости много раз, Маша с мурашками по коже вспоминала их незабываемый поход.

Лекционный зал библиотеки был заполнен на четверть, Славик здесь был как рыба в воде, он абсолютно со всеми здоровался и делился впечатлениями о прошлой встрече. Машу он представлял всем как свою девушку, и первые полчаса ей это даже нравилось, пока не началось само мероприятие. Лектор был чуть младше их со Славиком, но вышел с большим достоинством и с видом профессора.

– Сегодня лекция будет посвящена созвездию Водолея и его влиянию на Россию.

Маша, почему-то не поинтересовавшаяся до этого темой лекции, получила первый шок за этот вечер. Минут пять шел

непонятный для ее уха бред, пока не встал Славик, подняв руку, как первоклассник.

– А вот это спорное утверждение, со стороны Марса также идет стойкое давление на западную часть России.

– Сядьте, Мирослав Вячеславович, – резко сказал лектор.

– Но позвольте, вы вводите в заблуждение аудиторию, – не унимался Славик.

Аудитории было плевать на то, что они идут не туда в плане познаний влияния созвездия Водолея на Россию, их больше бесило, что Славик срывал лекцию.

– Ты что делаешь? – начала дергать своего горе-ухажера за пиджак Маня. – Садись сейчас же.

– Подожди, Маш, это же Волчанский, – гаденько захихикал Мирослав. – Он мой главный конкурент, я сейчас утру ему нос, ты еще будешь мной гордиться.

Но гордиться не пришлось, через полчаса перекрикивания Славику на пинках выгнали из зала сами слушатели. И вот после этого исторического, по меркам Славику, похода он решил, что должен на ней жениться. Правда, столь яростному намерению противилась мама жениха и немного даты рождения потенциальных молодоженов, которые совсем не подходили друг другу. Но Славик, как истинный научный сотрудник кафедры астрономии, не терял надежды и рассматривал все варианты.

Заходя домой, Маня мечтала только об одном: лечь в кровать и тихо пореветь, досадуя на свою несчастную судьбу.

Родители, конечно, были дома, папе шестьдесят пять, маме шестьдесят, они давно пенсионеры, ведут размеренную и счастливую жизнь.

– Мама, папа, я дома, – крикнула Маша и прошла сразу в свою комнату, надеясь, что у нее есть пара часов, чтобы прийти в себя, но ошиблась – через пять минут на пороге ее комнаты стояли родители.

– Манюня, – сказал напуганный папа, – что-то случилось? Мама молча ждала Маниного ответа. Не было вариантов, надо было объясняться.

– Мам, пап, все хорошо, не переживайте, меня просто уволили, – ее хватило на эту пару слов, и она расплакалась сильно и безудержно, как ребенок, у которого отняли любимую игрушку.

В этот момент позвонили в дверь.

– Мам, это Славик, скажи, что я сплю, он меня караулил у работы, еле вырвалась.

– Не переживай, доча, у мамы никто не пройдет, – с улыбкой сказала она, пытаясь поднять Маше настроение – милые, любимые, они так за нее переживают. В детстве Маня настолько любила родителей, что была уверена, что самые лучшие имена для детей – это имена ее родителей: Иван и Виктория.

Пока мама держала оборону у дверей, папа успокаивал Машу:

– Принцесса, я тебе давно не говорил, что ты самая краси-

вая, а еще что ты очень талантливая и разносторонняя личность, ну и совсем никогда не говорил, что просто необходимо менять работу, ты знаешь, есть такое правило – правило семи лет. Каждые семь лет надо менять работу, квартиру и хобби, – и, сощурившись, хитро продолжил: – Правда, некоторые говорят, и жену, но так как я безумно счастлив с твоей мамой, то предпочитаю первый вариант.

Маня рассмеялась, она любила, когда папа так шутил, сразу казалось, что она маленькая девочка, папа обязательно решит все ее проблемы и все будет хорошо. В комнате понемногу начало воцаряться счастье, но тут вошла мама.

– Что еще случилось? – То, что произошло что-то еще, Маня поняла сразу – на маме не было лица.

– Беда не приходит одна, – грустно сказала мама, теребя в руках бланк телеграммы.

Неосведомленные люди могли спросить, кто в наше время отправляет телеграммы, но только не в их семье. Увидев бланк в руках Виктории Владимировны, и Иван Ильич, и Маня все сразу поняли.

– Тетя Марго? Только ее сейчас мне не хватало, – просто-напросто Маша.

А папа спросил:

– Ну, что еще придумала моя старшая сестра? – В его голосе явно пробивались нотки ужаса.

– Она приезжает в Россию, – ошарашенно ответила мама и, запнувшись, добавила: – Умирать.

За девять дней до Нового года

Дорога убегала далеко, скрываясь за горизонтом, Маня гладила руль своего «жука» и была уверена, что он все понимает и отвечает ей благодарностью. Вчера день был сумасшедший, и телеграмма от тети Марго, родной сестры отца, убила надежду на светлое будущее.

Тетя Марго была первым ребенком в многодетной семье Денисовых. Характер она унаследовала от отца, Ильи Андреевича, стойкий и властный. Выскочив замуж в восемнадцать лет за иностранца, она укатила в солнечную Болгарию, и семья про нее благополучно забыла. Первый раз Марго появилась в 1991 году. Пропитанная духами и туманами, она прилетела из пасмурного Лондона и приказала собрать семью. Честно сказать, после смерти родителей семья Денисовых не дружила. Оставшиеся на родине трое отпрысков, по сути родных, а в жизни чужих людей, почти не общались, а их дети и вовсе друг друга не знали. Марго, поплакав на могиле родителей, велела всем срочно собраться в «родовом гнезде» – на родительской даче, но и тут ее поджидала, как говорится, подстава – дача была благополучно продана. Обматерив всех крепкими русскими словами, которые она не то что не забыла, но такое чувство, что даже немного поднакопила с годами, Марго развила бурную деятельность. На момент первого возвращения блудной дочери домой ей бы-

ло всего сорок три года. Она была молодой трижды вдовой, богатой и полной энергии. Не имея собственных детей, она решила воспитывать племянников, а их, к ее удовольствию, было четверо. Маня, Лёлька, Илья, и попозже появилась Марика. В то время Маня, будучи маленьким тринадцатилетним подростком, восхищалась, как эта энергичная дама умела решать любые вопросы. В наикратчайшие сроки она купила родительскую дачу, провела на ней полную реконструкцию, на выходе получив настоящее родовое поместье. Теперь же с периодичностью в пять-шесть месяцев великолепная Марго приезжала навестить родню, телеграммой вызывала в «родовое гнездо» тех людей, которых хотела видеть в данный визит, и никто не мог ей перечить. Можно было подумать, что виной тому деньги, но это было не так. Тетушка Марго имела особый дар – она умела подчинять людей характером. Маргарита Ильинична Бёркс (по последнему мужу) была прирожденным лидером, она была почти мессией.

Вчера мама была особенно расстроена, в телеграмме четко писалось, что за три дня до Нового года Марго требует присутствия в «гнезде» только племянников, без внуков и братьев. Марго будет зачитывать завещание, так как она собралась умирать.

– Не надо туда ехать, у тебя уважительная причина – тебя уволили, или еще лучше – не будем об этом говорить, скажем, что ты работаешь, – мама на ходу придумывала варианты.

– Ты же понимаешь, Вика, – это уже папа вступил в диалог, отойдя от шока, – тогда она приедет сюда и устроит здесь о боже мой. Марго не терпит отказов.

– Подождите, но ведь она благополучно отписала уже все Лёльке. – Маша тоже выходила из состояния «пожалей себя» и начинала обдумывать данное событие. – Еще в прошлый свой приезд та победила по всем показателям в глазах Марго. Умная, пробивная, знает пять языков, окончила МГИМО, работает в МИДе переводчиком, была замужем, одна воспитывает сына. Бинго!

– Это же Марго, – мама не слышала никаких доводов, – у нее семь пятниц на неделе. Проснулась утром и решила все поменять.

– Я поеду, мам, мне как раз надо сменить обстановку, до Нового года работу все равно уже не найду, хоть отвлекусь.

На том семейный совет был окончен, утром, захватив сумку с вещами, Маня выдвинулась в назначенное место.

Находилось родовое поместье в двадцати пяти километрах от города, в бывшем садовом товариществе «Защитник», а ныне коттеджном поселке «Русь». Когда-то давно землю под сады выделили Маниному деду от Высшего общевойскового командного училища, где он преподавал. С тех пор утекло много воды, сменились хозяева, название поселка и даже пропускной режим, но одно оставалось неизменным – большое красивое озеро; круглое, как блюдо, оно располагалось посередине поселка и было главной достопримечательностью.

тельностью. Летом там купались, зимой катались на коньках, ну и, конечно, рыбачили круглогодично. Вокруг озера было всего шесть домов – везунчиков, как их называли в поселке, калитки с заднего двора выходили напрямую к озеру, поэтому эти участки были самыми лучшими. В число везунчиков входило и «гнездо», Маня обожала убегать из дома, когда Маргарита предавалась воспоминаниям о бурной молодости, рассказывала по очереди о своих мужьях или учила глупых племянников этикету, в это время Маня предпочитала гулять вокруг озера, читая вслух свои и чужие стихи.

Ключи от «гнезда» были абсолютно у всех членов теперь уже большой семьи, но ездить сюда без приглашения Марго было табу. Раз в месяц она сама назначала, кто поедет проверять семейное имущество. В этот раз Маня решила бунтнуть и, никого не предупредив, поехать пораньше. Мысль о том, что ей придется сидеть еще неделю в своей комнате в городе и жалеть себя, была невыносимой.

«Какая, по сути, разница, приеду я двадцать девятого или двадцать третьего декабря», – думала Маня, складывая продукты в тележку. Супермаркет в десяти минутах от поселка радовал своим выбором и ценами. «Почему я всего в жизни боюсь? Боюсь наглубить людям и сделать им больно. Боюсь сделать что-нибудь, ошибиться, и тогда надо мной все будут смеяться, боюсь выпить чуть больше вина, напиться и прослыть легкомысленной, да что там, боюсь купить в магазине спиртное, ибо подумают, что я алкаш. Боюсь сделать любую

ошибку и услышать осуждение людей. Боюсь, боюсь, боюсь, мне сорок лет, а я все боюсь. Возможно, я прозевала в своей жизни все именно потому, что постоянно боялась», – на этих мыслях Маня положила в свою корзину бутылку красного вина, ощущение, что она способна на бунтарство, повысило настроение и заставило ее улыбнуться. Желая испытать еще раз столь новые для нее чувства, она положила в корзину красивую бутылку шампанского. Через пять минут в ее корзине был целый арсенал разнообразных спиртных напитков, от легкой испанской сангрии до шотландского виски «Белая лошадь», а на лице – счастливая улыбка бунтаря.

Маня понимала, что начинать ломать стереотипы нельзя частями, поэтому направилась в отдел новогодних товаров. Выбрала там самый красивый костюм снегурочки с чересчур для нее короткой юбкой – он стоил бешеных денег, но гулять так гулять, подумала Маня, радуясь, что взяла с собой всю свою заначку. И под конец накрыв уже полную тележку живой маленькой елочкой, растущей в горшке, она направилась к кассе. Улыбка и радостное настроение не отпускали ее, она свято верила, что, меняя отношение к жизни, она изменит и саму жизнь. Позитивный ход мыслей прервал стук ее тележки о другую, бутылки зазвенели на весь магазин, а елка упала и покатилась по полу, оставляя за собой след земли, высыпавшейся из горшка.

– Женщина, смотрите, куда вы едете, глаза откройте, – мужской голос прозвучал очень грубо, и Маня оторвалась от

созерцания укатывающейся елки и посмотрела на грубияна. Им оказался «лесник – отец Золушки», именно так она его про себя определила. Огромный, лохматый, с густой бородой, но не такой, как сейчас отращивают мужчины-модники, а неухоженной и торчащей в разные стороны. Образ лесника завершали свитер грубой вязки и пуховик защитного цвета.

– Как вы смеее так со мной разговаривать? – Маня никогда в жизни не позволила бы себе так ответить постороннему человеку вчера, в другой жизни, которую она пыталась оставить в прошлом. Вчера Манюня в лучшем случае промолчала бы, вероятнее всего, она принесла бы этому нахалу тысячу извинений, но не сегодня. – Вы невоспитанный хам, могли бы пропустить даму вперед, но в лесу, наверно, манерам не учат! – Маня понимала, что разошлась, но «Остапа уже понесло». – Мало того что вы ударили меня, перевернули мою елку, так еще и орете, как в деревне на базаре, – последние слова Маня произносила уже не так уверенно, потому как по мере ее тирады глаза у «лесника» все больше округлялись.

– Вы что, не в себе? – ответил ей ошарашенный собеседник. – Я здесь стоял, никого не трогал, вы въехали в меня, и еще я остался виноват? – Манин оппонент перевел взгляд на ее корзину и произнес: – Все понятно, вы алкоголичка?

– С чего вы взяли, может, у меня сегодня вечеринка? – почему-то стала оправдываться Маня, одновременно начиная краснеть как рак, которого варили к пиву, постепенно.

– И даже не мечтайте, – засмеялся грубиян и, повернув-

шись к ней спиной, уехал на другую кассу, после лицезрения ее корзины он быстро потерял к ней всякий интерес.

День был испорчен. Заехав в поселок, Маня даже не пошла гулять к озеру, как планировала ранее. Занеся пакеты в дом, она бросила их у порога, туда же полетели дубленка и сапоги. Схватив огромный плед, который обычно лежал на кресле-качалке, Манюня укрылась им с головой так, чтоб ни одна часть ее тела не выглядывала из мнимого убежища. Затем, расплакавшись, как в детстве, тихо и жалобно всхлипывая и даже немного завывая от жалости к себе, не заметила, как уснула.

Проснувшись Маня, когда за окном уже стемнело, дом, погруженный в темноту, казался страшным и пугающим.

«Продукты», – вспомнила она и побежала раскладывать уже потекшие пакеты в холодильник.

«Вот какой дядька-козел сегодня в магазине попался», – Манины мысли опять вернулись к этому хаму.

«А вот и не угадал ты, будет у меня сегодня вечеринка», – как бы назло сегодняшнему оппоненту Маня открыла бутылку красного вина и глотнула. Вино обожгло горло и, как горячая волна, опустилось в пустой желудок. Только сейчас она вспомнила, что ничего сегодня не ела. Настрогав крупными кусками буженину и налив еще вина, Манюня начала празд-

новать, из телефона лился голос Земфиры, спрашивая весь мир: «Ну почему?» – а в мире все потихоньку вставало на свои места. Маня насладились вкусной едой и прекрасным вином, и ей в голову пришла шикарная мысль, такие удачные озарения бывают только в моменты дегустации спиртных напитков: «А не пойти ли мне в бассейн?»

Во дворе «родового гнезда» была построена огромная бревенчатая баня с летней террасой, на которой в теплое время года все собирались за круглым столом и жарили шашлык на огромном мангале. Зимой же любили париться в бане и купаться в бассейне. Конечно, Маня понимала, что ни натопить баню, ни растопить мангал и даже разжечь камин она не сможет сама, но вот искупаться в уже готовом бассейне – это же проще простого. Откопав в сумке купальник, Маня переоделась и поняла: надо что-то придумать, не идти же по улице нагишом, ведь там уже ночь, а мороз в последнее время доходил до минус пятнадцати. Но ведь нарушать правила – это так весело, поэтому Маня, ну, или, может быть, испанское красное, обнаглела вконец, решив покуситься на святое. В будуаре Марго, как тетушка называла собственную спальню, имелась ее личная туалетная комната, в которой висел шикарный махровый халат. Такого банного наряда Маня никогда не видела и всегда втайне завидовала Марго. И дело даже не в том, что он был очень мягкий, теплый и удобный, он был невероятно красивый, снежно-белого цвета. Зайдя в святая святых – туалетную комнату тетки – и надев халат,

Маня почувствовала себя звездой экрана, отдыхающей после трудных съемок в кино. Уже выходя, она прихватила еще и шапочку для душа, чтоб не идти обратно с мокрой головой. Держа в одной руке бокал с вином, в другой телефон, из которого пела все та же Земфира, Маня завязала халат, шапочку натянула на голову и открыла дверь, выходящую на задний двор. Во дворе вьюга поднимала снежинки в небо и кружила их, как в старом мультфильме «Щелкунчик». Манюня залюбовалась. В бане почему-то горел свет. «Неужели кто-то ездил проверять и забыл выключить?» – подумала Маня. Надев на ноги калоши на меху, которые специально предназначались для похода в баню, она выдвинулась вперед. Расстопырив руки, чтоб не поскользнуться, Маня доковыляла по сугробам до входа в баню. Дверь была открыта, ключей на тайном гвоздике возле двери не было. «Наверное, Марика последней приезжала проверять», – решила она. Марика была младшая из всех племянников, поэтому была беспечна, несобранна, зато всегда весела. Именно Марика могла допустить подобные оплошности. В бане пахло великолепно – деревом и эвкалиптом, к слову, это было лучшее эфирное масло для сауны, по мнению Марго. Она считала, что даже пятнадцать минут в день в парной с этим ароматом убивают все микробы в организме. Марго любила заботиться о своем здоровье.

Настроение было отличное, а почти сакральный запах бани добавлял предвкушения Нового года.

Маня не сразу поняла, в чем дело. Пройдя мимо закрытых дверей туалета и душевой, она напрямую направилась к бассейну. Свет горел не везде, в полумраке высоких потолков небольшого уютного бассейна было тихо. В воде горела подсветка, и от этого чаша бассейна переливалась голубым светом. Что-то большое и темное плавало посредине, не давая насладиться игрой света.

«Полотенце», – решила Маня и подошла поближе, чтоб убрать оплошность других. Так как бокал уже был третьим, то мысли в голове двигались медленно. Словно несмазанные шестеренки, переходили они от одного понимания к другому. Поэтому только через пять минут пристального взглядывания в бассейн Мария поняла, что это человек, еще минута ушла на понимание, что он в одежде, тридцать секунд на осознание, что одетый незванный гость в бассейне лежит лицом вниз. Будто электрический разряд, осознание ужаса произошедшего пронзило ее тело. Не придумав ничего лучше, Манюня заорала и побежала не разбирая дороги. Страх нес ее туда, где люди, живые люди. Скатываясь с крыльца бани, она увидела свет в соседнем доме. Не переставая орать, Маня бежала по дорожке к калитке. Она совсем не чувствовала холода. Выскочив на дорогу, Маня встала как столб, перед ней в бледных сумерках фонаря показался неподвижный силуэт в огромном тулупе, но не это заставило Маню остановиться, в ступор ее ввело огромное ружье в руках человека. Догадка, что это и есть убийца, пришла к ней быстрее осталь-

ных, более продуктивных мыслей. Развернувшись в неудобных калошах на сто восемьдесят градусов, Манюня рванула в обратную сторону, но провидение, видимо, решило доконать ее этим вечером, или калоши были слишком скользкие, возможен, конечно, вариант с перебором вина, но, так или иначе, звезды сошлись: поскользнувшись, Маня упала и, ударившись головой об асфальт, потеряла сознание.

Аугсбург. 21 декабря 1675 г.

Вечер был замечательным, музыканты играли весело и задорно, гости приносили подарки, завернутые в красивую бумагу, а столы ломились от яств. Габриэль была счастлива, она уже почти забыла об утреннем разговоре с отцом, а шкатулка болталась в кармане кружевного платья как забытый трофей. Граф тоже присутствовал на торжестве, он скромно сидел в углу и как-то грустно смотрел на именинницу. Его голову покрывала благородная седина, красивое когда-то лицо – ужасные шрамы, а его костюм – золотая вышивка. К концу вечера отец подошел к Габриэль и на ушко сказал:

– Милая, мы с графом обо всем договорились, осталась одна формальность – ты должна преподнести подарок своему будущему жениху. – Видно было, что отец сильно переживает.

Габриэль, по-прежнему не видя ничего сложного и волнительного в данном мероприятии, абсолютно спокойно достала шкатулку из кармана и подошла к графу.

– Дорогой граф, – сказала она, распахнув навстречу

ему свои огромные голубые глаза, – вы примете от меня в подарок эти чудесные запонки?

Граф Питер открыл шкатулку, посмотрел на подарок и произнес:

– Габриэль, ты прекрасна, я приму твой подарок, но давай у нас с тобой будет маленький секрет? – говоря это, он наклонился к девочке, от этого иллюзия настоящего секрета только усиливалась, и Габриэль взволновано улыбнулась. – Пожениться мы сможем только через шесть лет, я не молод и хочу оставить тебе шанс передумать. Одну запонку возьму я, а другую оставь у себя, когда из чудесной девочки ты превратишься в красивую девушку, то сама решишь, состоится этот брак или нет. Это будет только наш с тобой секрет, а знаком пусть является данная запонка. Если в четырнадцатый свой день рождения ты подаришь мне вторую, значит, так тому и быть. Договорились?

Сказав это, граф подмигнул озадаченной Габриэль и протянул ей половину подарка.

– Я очень люблю секреты, и это так здорово, что у нас с вами теперь будет свой личный секрет, у меня еще никогда такого не было, – засмеялась ничего не понимающая именинница и, зажав в руке украшение, еще более довольная побежала танцевать.

Граф тоже был по-своему доволен, помолвка с этой прекрасной девочкой даст ему возможность избираться в ратманы и шесть лет работать на благо родного города, а жениться он и не хотел, ведь он до сих пор безумно

любит свою покойную Анну, свою богиню, мать своего любимого чада.

– Если ты видишь меня, прости, – обратился он к ней, подняв глаза к небу, – я все еще верен тебе, – прошептал граф, уходя с детского праздника.

За восемь дней до Нового года

Первым ощущением после бездонного полета была боль. Очень сильно гудела голова, Маня попыталась до нее дотронуться, но руки ее не слушались, в теле была тягучая слабость. Открыв глаза и обнаружив себя на диване в чужом доме, она испугалась, да так, что все-таки заставила себя сесть. Дом был старым, бревенчатым, как банный комплекс «гнезда», но здесь чувствовалось, что время потрепало данное жилище. Посредине стоял круглый стол под оранжевым абажуром, за ним спиной к Мане сидел мужчина и что-то печатал в ноутбуке.

Схватив с пола родные калоши, а также для устрашения встав в позу воина, которую она почему-то запомнила из короткого курса йоги, что она экспресс-курсом прошла в прошлом году, Маня прокричала:

– Не подходите, я психическая, а еще я карате десять лет занималась!

Человек, сидевший за столом, в это время как раз хотел хлебнуть чаю из красивой новогодней кружки. Манины крики его напугали, и он, вздрогнув, разлил чай себе на штаны.

– Черт, черт, черт, за что мне все это? – орал мужчина, стягивая с себя мокрые штаны.

– Эй, вы там, не делайте этого, – закричала испуганная его действиями Маня. – Сейчас же оденьтесь, я больная, у ме-

ня этот... – как назло все самые страшные заразные болезни вылетели у нее из головы, и она сказала первое, что пришло ей в голову: – цистит.

Ошарашенный данным заявлением человек с уже спущенными штанами поднял на Маню глаза и захохотал.

– Вы что, решили, что я буду к вам приставать? Вы себе сильно льстите, мадам, – не переставая смеяться, сказал мужчина.

– Это вы? – в хохотавшем мужчине Маня узнала своего сегодняшнего обидчика из магазина – «лесника – отца Золушки».

– Вот скажите, – вытирая красные от пролитого горячего чая ноги, говорил мужчина, – вот в чем я так провинился, вот где я оступился?

– Вы что несете? Вы опять меня оскорбляете? Оденьтесь сейчас же.

– Я не могу одеться в мокрые штаны, именно из-за вас я ошпарил себе ноги кипятком, и это несмотря на то что я вас сегодня спас.

– И где вы умудрились меня спасти? – закричала Маня, а потом, будто что-то вспомнив, резко затихла и с ужасом произнесла: – Там же труп. – Она села на диван, обхватив голову руками. – Сколько я у вас здесь нахожусь? – поинтересовалась она испуганным голосом. – Надо срочно звонить в полицию.

– Боже, кого вы еще покалечили? На моем диване вы от-

дыхаете около часа. Я услышал устрашающие крики и вышел посмотреть, может, кому помощь нужна. Тут вылетаете вы, вся в белом, с красным пятном на груди, уже потом я понял, что это просто ваше пристрастие растеклось по халату, – ухмыляясь, добавил наглец.

Потрогав ужасное пятно на красивом халате Марго, Маня расстроилась еще больше:

– Так это вы были там, на улице, с ружьем? Почему?

– Да, это был я, время одиннадцать вечера, из соседнего дома кто-то орет, как будто его режут, я испугался, – обосновал свое появление с оружием нахал.

– Там труп, – будто не веря самой себе, сказала Маня, – он плавает в бассейне лицом вниз.

– Кто он?

– Труп.

– А до того, как он стал трупом, кем он был? – сосед разговаривал с Маней как с умалишенной, одновременно надевая сухие штаны.

– Не знаю, возможно, порядочным человеком.

– То есть в вашем доме, в вашем бассейне плавает мертвый, незнакомый вам, предположительно порядочный мужчина? – тоном доктора-психиатра уточнил бородач.

– Да, то есть не совсем так, дом не мой.

– Вы вломились в чужой дом, чтоб выпить вина? Как часто вы это практикуете? – попытался пошутить нахал.

– Вообще-то я не пью в принципе, сегодня исключение.

Дом же этот – «родовое гнездо», он общий, семейный, ну, если быть точным, то он моей тетки, которая живет в Дрездене, она прилетает на днях и приказала всем племянникам здесь собраться. – Воспоминания увиденного ужаса вернулись к Манюне, и от этого она совсем поникла.

– Получается, вы здесь не одна? Почему вас никто не спохватился? Время уже первый час ночи, вас не любят ваши родственники? Вы не очень хороший человек? – сосед задавал наводящие вопросы как толковый следователь.

– Нет, я здесь одна, Марго приказала собраться всем двадцать девятого декабря, – не обращая внимания на шутки собеседника, абсолютно серьезно ответила Маня.

– Почему же вы здесь? – было видно, что его начал раздражать этот разговор.

– Меня вчера уволили, вернее, уже позавчера, – поправилась Маня, которая, как настоящий экономист, любила во всем точность, ведь было уже двадцать четвертое декабря. – Так вот, я решила приехать сюда пораньше, восстановить нервы и успокоиться.

– Теперь понятно, зачем вам было столько бутылок алкоголя, вы успокаиваться приехали, а я-то сгоряча подумал, что вы алкоголичка, ладно, бог с вами, вы девочка большая, а сейчас идemте. – Сосед встал и надел огромный тулуп.

– Куда? – испугалась Маня.

– Смотреть ваш труп.

– Мой?

– Ну, не ваш, а плавающий в вашем бассейне, не придирайтесь к словам, не будьте занудой.

Маша хотела дать жесткий ответ этому нахалу, но, не найдя достойных слов, молча пошла за ним.

Подойдя к бане, Маня остановилась и уставилась на вход.

– Я не закрывала дверь, – выдохнула она и перекрестилась.

Сосед, который предусмотрительно взял с собой ружье, напрягся и, наставив его на дверь, вошел в баню. Маня осталась на улице, боясь увидеть тот ужас еще раз.

– Здесь никого нет, – сосед высунул голову на улицу и весело объявил: – Все-таки я был прав, и у вас галлюцинации или перебор с «успокоительным».

– Этого просто не может быть! – Маня, забыв, что еще пять минут назад тряслась как осиновый лист, боясь даже посмотреть в сторону двери, влетела в баню и встала как вкопанная. Совершенно пустой бассейн переливался голубым светом и вместе с бородатым соседом словно насмеялся над ней.

– Вы обошли все помещения? – с надеждой глядя на улыбающегося нахала, спросила Манюня.

– Вы вообще понимаете, что вы несете? По вашим словам, труп мужчины плавал вниз лицом, он что, замерз в холодной воде и пошел погреться в сауну? – разозлился тот, но все-таки пошел проверять другие комнаты.

– Здесь никого нет, я пошел домой, вы, пожалуй, сегодня

больше не употребляйте, имейте совесть, дайте поспать, – выпалил сосед и, не дожидаясь Маниной реакции, развернулся, собираясь уходить.

– Пожалуйста, не уходите, я так перед вами виновата, давайте выпьем чаю, – это был хитрый ход с Маниной стороны, она просто до жути боялась идти в огромный дом, который все это время стоял открытым. – У меня есть вкусная буже-нина, торт «Киевский» и много еще разных лакомств.

Сосед развернулся и уставился с выражением лица «вот прицепилась».

– Не надо смотреть на меня такими глазами, думаете, что я debil и не понимаю, что вы боитесь идти одна в дом? А меня вы что, уже из потенциальных убийц исключили? – с надеждой спросил он.

– Ну, – растерялась Маня, – не на сто процентов, конечно, но процентов на девяносто точно.

– Ну, это, конечно, все меняет, – обреченно сказал сосед и с надеждой спросил: – А вино еще осталось, или вы все использовали для украшения вашей одежды?

– Этого добра – полный дом, – радостно ответила Маня.

– Нашли чем хвастаться, идемте осматривать ваши закро-ма.

В доме было тихо, пахло мандаринами, которые Маня рассыпала по полу, когда танцевала. Пока хозяйка накрывала на стол, сосед прошелся по дому, проверил все комнаты.

– Вот это стол! – воскликнул он, спускаясь со второго эта-

жа.

Стол и правда получился отменный, Маня, чтоб ублажить этого бородача, выставила для него все запасы, что она накупила себе на неделю, а на барную стойку поставила артиллерию имеющихся в ее распоряжении бутылок, содержащих алкоголь.

– Вы или всеядная, или у вас шизофрения, ну не может человек пить и вино, и текилу одновременно.

– А что, здесь и текила есть? – удивилась Манюня.

Бородач налил себе шотландского виски, а Мане белого вина (от красного она категорически отказалась, вспомнив про испорченный халат Марго), и они сели пировать. Когда у Манюни белое легло на красное, то, поправив халат, под которым до сих пор был купальник, она неожиданно предложила:

– Давайте знакомиться.

– Ну давайте, – засмеялся бородач, – самое время все-таки узнать имя потенциального убийцы, на часах два часа ночи, – поддержал ее вынужденный собутыльник.

– По правилам этикета женщина вне зависимости от возраста и положения никогда не представляется мужчине первой, – блеснула эрудицией Маня.

– Надо же, откуда такие познания? – поинтересовался сосед.

– О, это все моя тетушка Марго, она просто помешана на правилах хорошего тона и этикете. – Мысль о тетушке заста-

вила ее улыбнуться. – Она вообще меня приберет, когда узнает, что я здесь натворила. – Странно, но и эта мысль не испугала Маню, которая всю жизнь боялась собственной тени.

– Ну, давайте не будем нервировать тетю и ничего ей не расскажем, я, например, могила, – пообещал сосед.

– Со мной сложнее, – призналась Маня, – я трусиха, и стоит на меня грозно посмотреть – я тут же сдамсь и сдам всех, даже тех, кого не знаю.

– Я бы с вами в разведку не пошел, – разочарованно покачал головой бородач.

– Я с вами солидарна, я бы со мной и сама не пошла, я еще и нытик, чуть что, сразу впадаю в истерику. Хотя я бы и с вами не пошла, – вздохнула Маня, и было непонятно, шутит она или всерьез.

– Давайте знакомиться, а то вы даже не знаете, от чего отказываетесь, потом, возможно, жалеть будете, – обиженно сказал сосед. – Меня зовут Фома, – сказав это, он сразу поморщился, будто ожидая едких комментариев.

– Да вы что? – удивилась Маня. – И кто вас так? – язык у нее уже немного заплетался.

– Родители, – на полном серьезе ответил Фома.

– А за что? – уточнила Манюня, подперев голову кулаком.

– Думаю, за дело, – философски ответил сосед и тяжело вздохнул.

– А фамилия ваша?

– Ну что мы все обо мне и обо мне? – начал юлить сосед.

– Этикет, – жестко сказала Мария. – Фамилия?

– Навозов, – сдержанно ответил Фома и с вызовом уставился на Маню.

– Ну вот зачем ваши родители так? – всплеснула она руками. – Они что, не понимали, что вам и фамилии достаточно? – еле сдерживая смех, продолжала издеваться Маня.

– А вот это вы зря, фамилия моя знатная, благородная, между прочим, Василий Иванович Навозов – художник и иллюстратор книг, мой предок, – сказал Фома и тихо добавил: – Неподтвержденная, правда, информация. – Затем, решив сменить тему, спросил: – А вы как зоветесь?

– Ну, это зависит от того, какие у нас с вами будут отношения, – мечтательно ответила Маня, которая сегодня ломала все свои стереотипы, накопленные за сорок лет.

– Да вы фантазерка, даже не мечтайте, вы слишком стары для меня, вам сколько, сорок пять?

– Хам, мне сорок, а вот вам наверняка пятьдесят. Это вы для меня слишком стары.

– Ну и ладно, – обиделся Фома. – Вообще-то мне тоже сорок, ну, почти, сорок два.

– Да вы что? – поразилась Маня, глаза ее стали медленно закрываться. – А по вам так сразу и не скажешь.

– Ну, знаете, – обиделся Фома, – вы тоже не Мэрилин Монро. Все же как вас зовут? Давайте будем соблюдать этикет до конца.

– На работе меня звали Мария Ивановна Денисова, зна-

комые зовут Маня, а близкие – Манюня, так что вы не правы, я почти Мэрилин.

– А давайте я блесну оригинальностью и буду звать вас Мэрилин.

Они сидели, хохотали и не заметили, что на улице кто-то стоит и с ненавистью пристально смотрит в окно.

Маня проснулась в кресле, укутанная пледом, торшер горел в углу, несмотря на то что солнце уже вовсю светило. Вьюга, метавшаяся всю ночь, успокоилась, снег прекратился, заметя дорожки и насыпав огромные сугробы. На часах был полдень, вчера с соседом они засиделись – он, к Маниному удивлению, оказался неплохим собеседником. Когда-то Фома Фомич был военным врачом, но судьба распорядилась так, что он начал писать художественные исторические романы. К его огромному удивлению, они понравились читателям, работа над книгами стала занимать все время, и со службы пришлось уйти. Этот дом он купил всего месяц назад для того, чтоб уединиться на природе и творить.

– Помните, Мэрилин, – он подчеркнуто называл ее на вы, – как у Грибоедова: «В деревню, к тетке в глушь, в Саратов»? Так и я сбежал от столичной суеты.

Он много говорил, виски развязал ему язык, а может быть, он просто соскучился по компании и разговорам по душам.

Слушая какие-то его байки и предположения, она переместилась в кресло-качалку и уснула. Последнее, что она помнила перед тем, как уснуть, – он хвастался, что растит «толстовскую» бороду, а Маня смеялась над ним:

– Вам, Фома, абсолютно не идет борода, она вас старит.

– Ну, раз у нас вечер «скажи гадость собеседнику», то вам абсолютно не идет шапочка для душа, она делает вас мачехой из «Белоснежки».

– Это когда она еще была красивая? – уточнила Маня.

– Нет, когда она в образе старухи протягивала ей яблоко, – сказал Фома, поднимая бокал. – Один – один.

– Вы хам, – произнесла она и из последних сил стянула с головы совсем забытую ею шапочку. Ей явно нравилась эта игра, и она, улыбаясь, провалилась в сон.

Сегодня надо навести порядок в доме, в голове, в мыслях, в этом обычно ей помогала уборка. Включив на телефоне веселую музыку, Маня взяла ведро и тряпку, поместила испорченный халат в стиралку в надежде, что пятно все-таки исчезнет, и ударила мощной генеральной уборкой по беспорядку в доме. Звонок мобильного прозвенел, уже когда она домывала пол.

– Алло, – Маня взяла трубку в прекрасном расположении духа и с уверенностью, что все будет хорошо, а ужас в бане вчера ей показался – нервы, алкоголь, развитое воображение.

– Привет, Марь Иванна, – услышала она в трубке голос

Лариски, – ты где?

– Отдыхаю, – на самом деле Мане хотелось сказать «в Караганде» за то, как Лариска проводила ее два дня назад с работы, но она не смогла, забитая Маня, которая знала, что нехорошо грубить людям, сидела еще в ней и выметаться не собиралась.

– Где отдыхаешь? – продолжала упорствовать Лариса-крыса.

– В «гнезде», – неохотно ответила Маня, опять ее излишняя интеллигентность, а ведь так хотелось сказать, что это не ее дело, но не смогла.

– О, опять твоя ненормальная тетушка прикатила. И надолго ты там?

Маня собрала оставшуюся со вчерашнего вчера бунтарскую волю в кулак и все-таки ответила нахалке:

– Лариса, это что, допрос? По-моему, еще два дня назад тебе было плевать на мое местоположение.

– Зря ты так, – вроде как обиделась Лариска, но голос у нее не изменился. – Ты просто забрала вчера мой степлер. Где твои пакеты, дома? Я заеду, у твоей мамы заберу.

Врожденное воспитание вновь победило, и Маня проблематично:

– Нет, пакеты в багажнике, я совсем про них забыла с расстройства. Лариса, степлер – это несерьезно, хочешь, я переведу тебе деньги на карту и ты купишь себе новый?

– Нет, мне нужен именно мой, – настаивала бывшая кол-

лега.

У Мани наконец полностью закончилось терпение, и она довольно грубо для Марии Ивановны Денисовой заявила:

– Значит, так, Ременюк Лариса, твой степлер отпразднует Новый год у меня в багажнике, хочешь ты этого или нет. Как только у меня появится время, он вернется к тебе целым и невредимым, – и, не прощаясь, положила трубку.

Сейчас Манюня чувствовала себя гладиатором, только что победившим льва. От этого энергия была ключом, Маня поставила возле камина купленную вчера елку, нарядила ее и ужаснулась – земля в горшке была абсолютно сухая. Благо Лариса-крыса напомнила ей про пакеты, там точно есть лейка, и даже не одна. Одевшись потеплее, она вышла во двор. Солнце отражалось от снега и слепило глаза, а машина, дорожки и следы ее вчерашних походов – абсолютно все было замечено снегом. Вооружившись лопатой, Маня сначала откопала дорожки, потом машину, а затем, поздоровавшись со своим «жуком», открыла багажник и, покопавшись в пакетах, извлекла оттуда лейку. Бумаги – все, что были в пакетах и намокли от воды, – теперь замерзли и встали колом. Придется выкинуть все блокноты и записки, но заниматься этим всем сейчас не хотелось, поэтому, взяв только лейку, Маня зашла в дом. В туалете, набирая в лейку воды, она мельком взглянула в окно и замерла. Окна ванной выходили на баню, дверь которой почему-то была опять нараспашку открыта. Поставив на окно замерзшую лейку, забыв

про елку и хорошее настроение, Манюня опять пошла проверять проблемный объект недвижимости.

– Нет, – обреченно сказал Фома, открыв дверь.

– Да, – со вздохом ответила Маня.

– Скажите, Мэрилин, у вас к вечеру обострения начинаются? У меня уже укрепилась надежда, что сегодня день пройдет без вашего общества, но сейчас вы ее разбили вдребезги. – Фома стоял на пороге в одних трусах, больше похожих на шорты, и не собирался пускать Маню в дом.

– А вы всегда ходите без штанов? – решила тоже повредить Маня.

– Я дома, имею право, или вы думаете, если вы второй день врываетесь ко мне без спроса, я должен ждать вас в смокинге?

– Не говорите глупостей, лучше идите одевайтесь, пойдем смотреть баню. – Маня была настроена решительно.

– Я не хочу к вам в баню, я вчера там был, там нет ничего интересного, – как мог, сопротивлялся сосед.

– Надо, Фома, надо, – устало сказала Маня, – дверь в баню опять открыта, а ведь мы с вами ее вчера закрывали.

– Вам не кажется, что тысячи лет назад египтяне изобрели ключи не просто так, закройте вы причину ваших галлюцинаций на замок – и как минимум одному человеку во все-

ленной станет легче жить.

– Сейчас обязательно мы с вами это сделаем, а кому станет легче? – искренне спросила Маня, и Фома понял, что проиграл.

– Идемте, – сказал он, надевая тулуп.

Пока шли к бане, Маня спросила:

– А вы всегда ходите в тулупе? В нем вы похожи на деда Мазая.

– Вот быюсь об заклад, вы не видели ни одного деда Мазая, больше разговоров, – стал вредничать Фома.

– Ну, в моих детских фантазиях он должен был выглядеть именно так, – неуверенно сказала Манюня.

– А вы в детстве фантазировали про деда Мазая? – выпучив глаза, спросил Фома. – Вы меня постоянно удивляете, Мэрилин.

– Я в последнее время сама себя удивляю, – себе под нос пробубнила Маня.

– Я считаю, – Фома все-таки решил ответить на Манин вопрос, чтоб больше не было недопонимания, – если ты живешь в деревне, то и должен одеваться соответствующе, в унты и тулуп, в шапку-ушанку, также ты обязан отрастить бороду и носить толстые свитера ручной вязки, вот как этот вот, – Фома с удовольствием продемонстрировал Мане свой, он был оранжевый, грубой вязки и немного бесформенный. – У бабки на рынке купил, очень доволен, – рекламировал свою одежду сосед.

Дверь в бане колыхалась на ветру и противно поскрипывала, словно оплакивала кого-то. Фома с Маней гуськом прошли по всем комнатам вот уже вторые сутки проблемного помещения и, как вчера, остановились у бассейна.

— Что и требовалось доказать, — вздохнул Фома. — Вы ключи взяли с собой? Давайте ее закроем, чтоб она больше вас не пугала.

— Ключи должны были висеть на гвоздике у двери, — говоря это, Маня оглядывала помещение, где находился бассейн, и делала это с упорством следопыта. — Как вы думаете, это что такое? — спросила она Фому, неотрывно смотря на угол бортика, и даже наклонилась туда.

— Что вы там еще нашли? — его голос был раздражен и не предвещал ничего хорошего. Нехотя, но сосед все-таки подошел к Мане и наклонился, угол бортика был испачкан чем-то бордовым и как бы на скорую руку затерт, а вот с другой его стороны, с той, что выходила к стене, были большие и жирные потеки бордового цвета. — Я, конечно, не эксперт, — как-то неуверенно сказал сосед, вглядываясь в пятно.

— Но вы же врач? — перебила его нерешительный опус Маня, она сейчас была похожа на гончую на охоте, почуявшую запах лисы. Глаза ее горели, от этого они стали ярко-зелеными, какими не были никогда в жизни.

— Вы бесконечно нетерпеливы. Как вы с вашим характером умудрились не выйти до сорока лет замуж? — удивился Фома.

– Сама поражаюсь, – вздохнула Маня и сразу же спросила с удивлением: – А откуда вы знаете, что я не была замужем?

– Эту страшную тайну вы мне открыли вчера за бокалом вина, кстати, пить вам тоже нельзя, вы становитесь еще более болтливы.

– Правда? – было непонятно, на полном серьезе она спрашивает или нет.

– Правда, – подтвердил сосед, внимательно вглядываясь в собеседницу.

– Вот бы мне хоть глазком посмотреть на себя пьяную, – мечтательно сказала Маня.

– Можете и двумя посмотреть в следующий раз, я сниму вас на телефон, – пообещал Фома.

– А у нас будет следующий раз? – спросила она и покраснела.

Фома понял, что сболтнул лишнего, и вернулся к нейтральной теме:

– Так вот, как врач, могу вам сказать на девяносто процентов, что это кровь.

– Значит, надо звонить папе, – видно было, что Маня сомневается.

– А кто у нас папа? – поинтересовался Фома.

– Генерал полиции, – скромно сказала Маня и добавила: – На пенсии.

– Ого, – присвистнул Фома. – Предупреждать надо.

Маня не успела ничего ответить, как с улицы кто-то крик-

нул:

– Соседи, есть кто дома?

– Пойду посмотрю, кто это, пока вы докладываете товарищу генералу обстановку, – сказал Фома и, приглаживая свою торчащую во все стороны бороду, вышел на улицу.

Во дворе стояла молодая и красивая девушка, на ней была интересная шапка крупной вязки, а белые волосы рассыпались по голубой дубленке, создавая образ Снегурочки.

– Здравствуйте, мы ваши соседи справа, сегодня Святки, ночь перед Рождеством, и моя сестра печет шарлотку. Мы хотим пригласить вас к нам на ужин.

Фома немного растерялся и от молоденькой красавицы, и от неожиданного предложения, поэтому спросил первое, что пришло в голову:

– А вы католики?

– Да, – ответила девица, – мы немцы, когда-то наши предки приехали в эту холодную страну и остались, но давайте я расскажу вам все вечером, я хочу еще нескольких соседей позвать, самых близких, территориально, – уточнила белокурая красавица. – Вот, например, у вас слева кто-нибудь живет?

– Да, – ответил Фома, продолжая тупить, – я живу.

– Прекрасно, – ответила девица, уже сомневаясь в дееспособности детины с бородой и в тулупе, – а кто тогда живет здесь?

Спасла его от позора Маня, в это время вышедшая во

двор:

– А здесь живу я.

– Получается, я одним предложением приглашаю сразу двоих соседей, это здорово, – радовалась суперпозитивная соседка. – Жду вас на ужин, кстати, меня зовут Ирина. Мы только два месяца здесь живем и еще не успели ни с кем познакомиться, а так хочется общения, сегодня прекрасный повод для осуществления этого намерения. Обещаю наивкуснейшую шарлотку и самый лучший глинтвейн, какого вы точно не пробовали. Значит, договорились, в восемь вечера, дом номер сорок два, вход со двора. До встречи, – белокурая красотка сказала все скороговоркой и, развернувшись на каблуках белых, почти Снегуркиных сапог, «девушка-видение» скрылась за забором.

– Фома, закройте рот, – немного обиженно сказала Маня, – она вам в дочери годится.

– Что сказал папа? – придя в себя, спросил сосед.

– Вас это не касается. – Маня обиделась на такую реакцию на соседку и надулась.

Она мечтала, чтоб он ее начал уговаривать, просить рассказать, говорить, что он просто задумался, а рот открыл, потому как насморк, нос забит и дышать приходится исключительно ртом. Но он не понял ее игры, хотя, может быть, и понял, но просто не захотел играть. В общем, с равнодушным видом сосед произнес:

– Вы знаете, Мэрилин, я счастлив, что меня это не каса-

ется, пойду наряжаться к ужину, меня ждет прехорошенькая соседка, годящаяся мне в дочери. Я не говорил вам, что люблю девушек помоложе, и эта блондиночка в образе Снегурочки – как раз мой вариант, – и, гадко улыбаясь, словно кот, увидевший сметану, он, не останавливаясь, ушел со двора.

– Здравствуйте, – сказала Манюня, когда дверь открылась. На пороге стоял коренастый дедок, одет он почему-то был в валенки и шапку-ушанку. Просто оживший прототип мужика из Маниного любимого мультфильма «Падал прошлогодний снег».

– Привет, Мань, проходи, – ответил смешной мужичонка, и Манюня узнала в нем дядю Митю. Так как в «гнезде» она бывала только по приглашению, ну, или по поручению Марго, да и время пребывания было полностью связано с ее персоной, то, естественно, соседей Маня не знала. Но в редких случаях ей все же удавалось сбежать к озеру, она очень любила там гулять и дышать воздухом, в тишине под березой особенно хорошо думалось, сочинялось и читалось. Вот в один из таких побегов она и познакомилась с дядей Митей. Он ловил рыбу, а Маня сидела на берегу и по-спортивному болела за его улов, сопровождая тихими аплодисментами (дабы не распугать рыбу) каждую победу, даже самую маленькую. Дядя Митя ценил такое Манино расположение и

угощал ее вкусным чаем из термоса и походными бутербродами, где хлеб был тонким, а сыр и колбаса соперничали в объеме, как две поварихи на кухне, кто толще.

– Что, опять тетка твоя ненормальная приехала? – спросил ее дядя Митя.

– Нет еще, – ответила Маня, – но в процессе. А ты, дядь Мить, что, здесь живешь?

– Странная ты какая-то, если не знала, что я проживаю на этой прекрасной фазенде, то к кому тогда ты шла в гости? – сосед разговаривал с Маней и одновременно что-то складывал в огромный зеленый рюкзак, Маня всегда думала, что с такими ходят в походы и в горы.

– Да меня сегодня соседка на чай звала, а я, видать, дом перепутала, ты знаешь, я и идти-то не хотела, а потом решила – надо дружить с людьми, да и девушка вроде положительная.

– Это такая вся из себя на Снегурку похожая? – уточнил дядя Митя.

– Да, точно, – засмеялась Маня, также уловив данное сходство.

– И меня она приглашала, это твоя соседка справа. Слева же у тебя заехал писатель, да ты, насколько я знаю, с ним уже познакомилась.

Маня покраснела и постаралась ответить как можно спокойнее:

– Да, такой вредный дядька оказался, я попросила его по-

мочь баню закрыть, вот мужики пошли, ни о чем попросить нельзя, чуть что, сразу в кусты.

– А что, это к тебе сейчас участковый приезжал? – решил сменить тему дядя Митя.

– Все-то вы, дядь Мить, видите, вы прям как мисс Марпл, детектив деревенского разлива, все про всех знаете, кто куда ходит, подмечаете, и, кто где живет, помните, – удивилась Маня.

– Так ты ж у меня как на блюдечке, прям напротив, вот как сажусь чай пить, так в окно и гляжу, телевизора у меня дома нет, а так какое-никакое развлечение.

– Как интересно, а вчера, когда я приехала, вы, кроме меня, никого не видели?

– А ты что, проверить старика решила? – хитро прищурился дядя Митя. – Видел, что мужик какой-то к тебе заходил. Ну, дело молодое, не бойся, тетке не скажу.

– Так это сосед слева, наверно, был, мы с ним баню мою проверяли, – разочарованно вздохнула Маня.

– Не, сосед у тебя чудаковатый, с бородой и в тулупе, в магазин он ходит в пуховике зеленого цвета, вроде как охотничьем. А этот к тебе на двор заходил, франт городской в пальто. Я еще подумал, как не околел он в этом лапсердаке, ведь мороз в последнее время жмет, вон и озеро замерзло, слава богу.

– Пальто, точно, – осенило Маню, и она на время впала в ступор. – Тот тоже был в коротком пальто, я тогда подума-

ла, что это был халат, а это было черное мужское короткое пальто.

– Это о чем ты там? – удивленно спросил дядя Митя.

– Не обращайтесь внимания, – не стала вдаваться в подробности Маня. – Не выпалась, наверное, сосед – балабол, всю ночь не давал спать своей трескотней, как школьница, в самом деле, обо всем и ни о чем.

– Ну-ну, – захихикал в свои генеральские усы дядя Митя.

Поняв, что сболтнула лишнего, Маня решила, что пора ретироваться.

– Ладно, пойдемте к соседке, а то нам ничего не достанется, весь чай выпьют.

– Не, я не пойду, нечего мне там делать среди молодежи, лучше порыбалю. Вон и жерлицу уже приготовил. Два дня назад я, Маня, вот такую щуку поймал, – дядя Митя, рассказывая, расставил руки чересчур широко даже для средне-статистической рыбы и, засмущавшись, немного сдвинул их друг к другу. – Не веришь, дева, ну, смотри, сегодня поймаю рыбину – завтра будешь мне уху варить, давай спорить. Ты проиграешь – варишь уху, я проиграю – ремонтирую тебе замок на калитке, а то болтается она у тебя на ветру, скрипит, спать мне не дает, приходится по каждому скрипу вставать, интересоваться, кто пожаловал, зачем, восемь из десяти раз интерес получается порожний.

– Договорились, – засмеялась Маня и, пожелав удачи рыболову, побежала на чаепитие. Конечно, не чай она хотела и

даже не шарлотку. Не хотелось Мане оставлять один на один Фому и красавицу соседку, чем-то зацепил ее этот грубиян. Даже несмотря на его манеры и ужасную неухоженную бороду, она испытывала какой-то дискомфорт от того, что он сейчас там с молоденькой красавицей. Маня настолько давно уже не была в отношениях, что совсем забыла, что это чувство называется ревностью.

Дом был чересчур ухоженный, такой весь миленький и чистенький, как будто его хозяйка целыми днями только и делала, что убиралась и обставляла его мимимишными вещами. Везде были разложены подушечки в виде котиков, салфетки, на которых обязательно стояла свеча под цвет салфетки, и пластмассовые бусы обматывали толстую свечу, естественно, также под цвет салфеток. Не говоря уже про большие искусственные перья павлинов нежно-голубого цвета, которые были вставлены в напольную вазу. Раньше бы Маня подивилась вкусу хозяйки дома, но не сейчас. Сейчас эта красавица была по другую сторону баррикад, она была соперницей. В полукруглой гостиной посередине стоял большой круглый стол, а в камине уютно трещали дрова. Хозяйка, что открыла ей дверь, сразу убежала на кухню, предложив проходить в гостиную самостоятельно. Зайдя, Маня поняла, что зря переживала, компания подобралась большая,

разношерстная, и Фома явно потерялся на этом фоне. «Так тебе и надо, самоуверенный бородач», – подумала про себя она, а вслух сказала:

– Добрый вечер, – а затем, вспомнив, что по этикету, когда опоздавший заходит в комнату, где собрались незнакомые ему люди, он должен поздороваться и представиться, добавила: – Меня зовут Мария, я соседка с участка сорок один.

За столом сидело шесть человек, в том числе Фома, сосед сделал вид, что видит ее в первый раз, и вместе со всеми вежливо улыбался. Мане же казалось, что своей дурацкой улыбкой он намеренно над ней издевается. Женщина лет семидесяти выделялась за столом возрастом, сединой и осанкой, а еще высоким интеллектом, читающим в ее глазах.

– Добрый вечер, – начала она спокойно тоном учительницы, выступающей на родительском собрании. – Раз хозяйки наши еще хлопочут на кухне, я на правах старшей представляю вам всех. Это, – она начала справа налево, – Михаил Ефремович, – при этих словах молодой человек лет тридцати, худой, с ранними залысинами на лбу и в круглых очках, встал и протянул Мане руку.

– Очень приятно, – сказала она новому знакомому, ей очень хотелось всем понравиться назло самоуверенному соседу. – А может, будем без отчества, по-моему, мы почти ровесники, – попыталась она сразу влиться в коллектив.

– Ефремович – это фамилия, – очень спокойно ответил Михаил. Когда молодой человек улыбнулся, его лицо стало

приятным и даже обаятельным. – Ударение на букву «о», – продолжил он объяснять тонкости своей фамилии новой соседке, – и, я думаю, можно без отчества. Я ваш сосед через озеро, а так я больше сосед Фомы. – Парень был похож на грустного Пьеро из сказки «Буратино» и сразу вызвал у Мани симпатию.

Было видно, что они уже все здесь перезнакомились и Маня сейчас для них чужая.

– Меня зовут Аркадий, – следующий гость решил не ждать, пока его представят, а может быть, хотел намеренно сделать это сам. Это был мужчина лет сорока, среднего роста, с черными, как вороново крыло, волосами и с какой-то особенной спортивной выправкой, которая бывает либо у военных, либо у профессиональных спортсменов, – я живу через улицу от вас, мне не посчастливилось жить у озера, – рассказывал он Мане, но смотрел почему-то на сидящих за столом. – Я сосед Митяя, – и тут Аркадий повернулся к Мане и поцеловал ей руку.

– Очень приятно, – поздоровалась она как можно радостнее, улыбаясь Аркадию и одним глазом поглядывая на Фому, как он реагирует. – Дядю Митю я знаю, сейчас заходила за ним, чтоб вместе пойти в гости, – Маня решила не вдаваться в подробности и не рассказывать, что просто заплутала, – но он отказался, говорит, что на рыбалку пойдет, шуку обещал поймать.

– Ну, это он загнул, – сказал Аркадий и засмеялся, бари-

тон у него оказался громким, таким, что блюда в красивом резном буфете звякнули в ответ.

Следующая на очереди была та самая учительница, которая первой поприветствовала Маню и начала представлять ей гостей.

– Ну, а я Людмила Владимировна, пенсионерка, кстати, тоже живу через дорогу от вас и также соседка Дмитрия Борисовича Дроздова, или, как вы его называете, дяди Мити, но только с другой стороны. Кстати, вы, Аркадий, не правы, два дня назад я видела, как он шел с озера, его путь на рыбалку и обратно проходит как раз мимо нашего забора, и вот позавчера он что-то нес в своей рыбацкой сумке-сетке, наверно, добычу.

– Нет, ну не шуку же, – усмехнулся Аркадий и махнул рукой, не захотев, видимо, спорить о рыбалке, да еще и с женщиной. Маня, привыкшая мысленно давать всем клички, окрестила его Мужиком.

– А это моя дочь Варвара, – продолжила вещать учительница, указывая на сидевшую рядом с ней девушку лет двадцати пяти с какой-то тихой и молчаливой безысходностью в глазах. Ее черные волосы были собраны в хвост, а на лице не наблюдалось ни капли косметики.

Даже «серая мышь» Маня, как она сама себя называла, конечно, не без помощи добрых людей, и то подготовилась к вечеру. Достала всю свою лучшую косметику, подняла волосы феном, чтоб было «живенько», как говорила героиня

Алисы Фрейндлих в «Служебном романе». А эта девушка как будто только что вышла из ванной, смыв с себя все и затянув волосы в хвост. К тому же довольно молодая девушка была одета в огромный свитер-платье, который мешком висел на бедной Вареньке. Как-то это все было неправильно, а неухоженность была какая-то показная и неправильная, как будто девушка нарочно хотела плохо выглядеть.

– Моя Варечка – художница, про нее говорят, что она подает огромные надежды. – Видно было невооруженным глазом, что Варя – поздний ребенок и особая гордость Людмилы Владимировны.

Про себя Маня назвала ее царевной Несмеяной.

Рядом с несчастной «красавицей» сидела искусственная блондинка, если так, конечно, можно было выразиться, причем натуральный цвет ее волос скорее всего был темный каштан, так как отросшие корни выдавали нелепость чересчур белого цвета. На вид блондинка была Маниной ровесницей, но сама она явно думала иначе и, услышав это сравнение, рьяно бы поспорила за свое право быть моложе. Большая, по виду силиконовая грудь вываливалась из глубокого декольте, а накачанные губы красовались розовой девичьей помадой, и ни единой морщинки на натянутом лице.

– Инесса, – представилась постаревшая Барби. – Я соседка Миши, – и показала пальцем с длинным красным маникюром на грустного Пьеро.

Было видно, что она уже пожалела, что пришла сюда,

здесь ей было неинтересно. О том, что она женщина в поиске, кричало в ней все: и то, что она была ухожена от кончиков пальцев до бюстгальтера, который вроде бы невзначай, но очень продуманно выглядывал из разреза кофты; и то, как оценивающе она смотрела на присутствующих здесь мужчин. Правда, надежды ее не оправдались, и блондинка, было видно, стремительно теряла интерес к встрече, мужчины были простоваты, и никто не был здесь ее целью. Дружить с девочками такие, как Инесса, не умеют, а следовательно, даже и не пробуют, такие орлицы дружат только с мужчинами, но по выражению лица Инессы было видно, что даже друзей она здесь не нашла.

Следующий был Фома. Маня поняла, что этот жук хочет сейчас сделать вид, что не знает ее. Поэтому она решила его опередить, разрушив коварные планы, и не потому, что ей это было важно, а просто чтоб позлить бородача.

– Ну а с Фомой я знакома. Добрый вечер, сосед, – Маня подошла и чмокнула обалдевшего мужчину в колючую щеку. – Я тут принесла, что осталось от наших вчерашних посиделок, откройте дамам шампанского, а мужчинам – виски. Какая колючая у вас щека, я уже говорила, что борода – это не ваше.

За столом все оживились.

– Вот никто ничего не принес, – зашипел ей на ухо Фома, – все постеснялись, только у вас ни стыда ни совести, еще и своими намеками портите мне репутацию. Я вчера просто

гонял духов у нее в бане, – уже громко для всех начал оправдываться Фома, когда в гостиную вошла хозяйка.

– Подождите, не сплетничайте без нас, нам тоже хочется все знать про местных духов, – перебила Фому Ирина, она была великолепно в голубом платье и с белыми вьющимися волосами, словно добрая фея из сказки спустилась испечь шарлотку. В руках у нее был огромный пирог. Гости стали освобождать место на столе для угощения, разливать шампанское, даже у Инессы появилась улыбка на лице, пошло движение.

– Вы знаете, Фома, у меня свой барбершоп, и позвольте похвастаться: там неплохо стригут бороды, модно и красиво, и не будете колоть девушек, – больше поддержать разговор, чем похвастаться, предложила Инесса.

– А мне, как думаете, пойдет борода? – это Аркадий, не дав ответить Фоме, вклинился в разговор.

– Возможно, – равнодушно ответила Инесса, – но я лично не люблю у мужчин бороды, они не замечают, но от бороды всегда чем-то пахнет – куревом, едой, это отталкивает, как говорится, не способствует сближению.

– Вот послушайте, что умный человек, профессионал своего дела, говорит, – Маня обращалась к Фоме, а тот уже всю нюхал свою бороду.

– Ничем не пахнет, – попытался нелепо защитить свою собственность он.

– Мужчины, – произнеся это, Инесса рассмеялась и раз-

вела руками.

– Ирина, а где же ваша сестра? – поинтересовалась Людмила Владимировна. – Пора приступать к празднованию.

– Помните, как у Шукшина: народ к разврату готов, – решил пошутить Аркадий, потирая свой гладко выбритый подбородок, но его шутку почему-то никто не поддержал.

– Нина, пора к столу, – крикнула Ирина. – Извините ее, она просто кладет секретный ингредиент в свой фирменный глинтвейн.

В эту секунду в гостиную вошла Ирина, и все – и печальный Пьеро Михаил, и царевна Несмеяна Варвара, и даже Мужик-хохмач Аркадий, – выпучив глаза, смотрели, переводя глаза с одной Ирины на другую. Та, что сидела за столом, переглядывалась и хихикала с той, что стояла с термосом глинтвейна. И тут до всех потихоньку начало доходить.

– Вы близнецы? – первым решился на вопрос Аркадий и захохотал своим громким грубым смехом.

Хозяйки дома, насладившись вдоволь эффектом и от души посмеявшись над этим – надо отдать должное, смех у них тоже был одинаковый, – ответили наперебой:

– Нет, это магия, – продолжая смеяться, сказала Ирина.

– Да, конечно, – ответила более серьезная красавица по имени Нина.

– Я так люблю такую реакцию, мы уже обе заходили к вам в зал, только по очереди, но ни один из вас не заподозрил подмену. Нам по двадцать восемь лет, но я не устаю пора-

жаться реакции людей.

– Ну почему же вы нам не сказали, что вы близнецы? – удивилась Людмила Владимировна, которая, как школьная учительница, любила во всем порядок и совсем не любила сюрпризов.

– Мы с сестрой еще в детстве договорились не рассказывать новым знакомым о том, что у нас есть близнец, – рассказывала Нина, разливая по кружкам глинтвейн. – Так легче, так люди не ждут постоянного подвоха.

Началось застолье, звон бокалов, пара тостов от Аркадия, из чего Маня окончательно заключила, что он мужик-балагур, из тех, что не стесняются пошлить при женщинах, а возможно, в силу своего воспитания просто не понимают, что это моветон. Также немного узнали об истории праздника от Михаила, который так ни разу за весь вечер не улыбнулся, и чересчур много учительских историй от Людмилы Владимировны, которая и вправду оказалась учительницей.

– А что там с привидениями? – спросила Ирина у Фомы, когда истории Людмилы Владимировны уже перевалили за десяток и окончательно заставили заскучать. Тот сразу выпрямился, приосанился и, поправив бороду, уселся поудобнее, так, как будто собрался пересказывать «Войну и мир».

– Ну, дело было так, – начал он, покосившись на Маню, – сижу дома, работаю, никого не трогаю.

– А кем вы работаете? – встряла Инесса.

Фома немного засмутился от этого вопроса.

– Ну, я не совсем работаю, а подрабатываю, вообще я бывший военврач на пенсии, – начал как-то издалека он.

– Понятно, – протянула Инесса, окончательно потеряв к нему всякий интерес.

– Фома немного лукавит, – вступил в разговор Михаил, – он писатель в жанре исторических романов, пишет он интересно, я читал, мне нравится.

– Да ладно тебе, Миш, какой я писатель, писатель – это Толстой, Шолохов, Богомолов, а я так, людей развлекаю, чтоб жилось веселее и интереснее.

– А ты знаешь, Фома, ведь и Пушкин, и Толстой, чью бороду ты сейчас пытаешься копировать, изначально тоже писали не для вечности, а для развлечения людей, это потом уже их признали гениями и так далее. Ведь читателю, зрителю, слушателю, да просто человечеству испокон веков нужно было только две вещи – хлеба и зрелищ. Вот мы с тобой и выступаем тем самым зрелищем, ты книги пишешь, я играю на скрипке, все одно.

– А как ваша фамилия? – спросил Аркадий. – Может быть, я тоже вас читал.

– Я пишу под псевдонимом, – опять почему-то смутился Фома.

Даже Мане стало интересно, вчера она не потрудилась узнать подробности и сейчас очень об этом жалела.

– Мэрилин Фом, – тихо, почти шепотом ответил Фома и смутился как девушка, так что даже борода не спасла от

красных, как свекла, щек.

За столом повисла минутная пауза, которую нарушил Манянин вопрос.

– Вы пишете под женским псевдонимом? – воскликнула Маня немного громче, чем это позволено нормами этикета.

– А вы вообще безработная, – по-детски парировал Фома, казалось, что он сейчас высунет язык и скорчит рожу.

– Вы Мэрилин Фом, – завизжала Инесса и бросилась к нему на шею. – Я читала все ваши книги, они замечательные, вы так пишете, что хочется жить и верить, что можно встретить свою половинку в любом возрасте.

– Вы удивили меня, Фома, – сказала Людмила Владимировна. – Несмотря на общее мнение о легкости вашего труда, я знаю, что писать романы, да еще такие, чтоб трогали за душу женщин, – это очень сложно.

– Вы знаете, – решила сказать свое мнение Варвара, – правильно, что вы издаетесь под женским псевдонимом, мужчине мы можем не поверить, а вот товарищу по несчастью, той, которая пережила все это, поверим беспрекословно.

– Вы знаете, – со знанием дела сказал Михаил, – у Фомы в книгах смешивается тонкость и ранимость женской души с мужественностью и преданностью мужской натуры, и, по моему мнению, именно это придает книгам Фомы неповторимость.

– Что-то даже мне после такой рекламы захотелось почитать ваши опусы, – обиженно сказала Маня, ей было непри-

ятно, что он напомнил ей о больном.

В глазах окружающих появилось неприкрытое уважение к писателю, жаль, что не у всех.

— А по мне, так это чушь — мужику писать про любовь, да еще под женским псевдонимом, это позор, — как-то уж очень напрямую и обидно сказал Аркадий.

— Ну давайте не будем смущать Фому, — вступилась за него хозяйка Ирина, сестры, кстати, были очень разные по характеру. Нина больше молчала, улыбалась и молчала. Руководила же в их семье Ирина, видно было, что именно она решает все, и за сестру в том числе. — Фома, так что там с привидениями?

— Да ничего особенного, — еле отлепившись от Инессы, продолжил Фома. — Сижу, работаю, время около двенадцати, слышу дикий крик.

— Я, кстати, тоже его слышал, — сказал Аркадий, — да вставать неохота было. — Видно, что он пожалел, что посчитал Фому себе ровней, и теперь презрительным взглядом смотрел в его сторону.

— Странно, а я ничего не слышала, — это одна из гостеприимных хозяек, а в частности Нина, тоже решила поддержать разговор. — Вы знаете, я обычно не сплю в это время. Комната, в которой я работаю, выходит окнами прямо на террасу вашей бани. А вчера, на удивление, уснула прямо сидя на диване, еще и десяти не было, даже спицы из рук не выпустила, — и, увидев немой вопрос во взглядах окружающих,

решила пояснить: – Я вяжу шапки особой крупной вязки, а Ирина продает их через Интернет. Она у меня такая умная, сайт нам сделала, странички в «Инстаграм» и «ВКонтакте». А я так подвела всех вчера, шапка должна была сегодня уйти к заказчице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.